

Европа, которую мы еще не видели

Ренационализация политики в Европе позволяет Москве окончательно вернуться к двусторонней игре с конкретными европейскими странами | **ФЁДОР ЛУКЬЯНОВ**

Уход Дмитрия Медведева с поста президента и возвращение его предшественника и ментора Владимира Путина заставило говорить о новом повороте в российской внешней политике. Распределение ролей в тандеме было вполне ясным — Медведев стал президентом для стабилизации и хотя бы частичного умиротворения отношений с Западом. Путин, надо отдать ему должное, в период президентства Медведева редко публично вмешивался во внешнеполитическую сферу, которая оставалась прерогативой главы государства. На премьерском посту Путин продолжал олицетворять жесткую линию. Во всяком случае, в те редкие моменты, когда он высказывался относительно международных дел, его заявления демонстрировали традиционный подход. Так, в конце 2009 года Путин раскритиковал ход переговоров с американцами по ПРО, после чего достижение соглашения отложилось на несколько месяцев. Весной 2011-го Путин кардинально разошелся с президентом по вопросу о Ливии — за решением не блокировать резолюцию СБ ООН о вмешательстве последовала резкая отповедь премьер-министра.

Подобное распределение ролей (а были расхождения реальными или наигранными, мы, кажется, уже и не узнаем) работало на понятный стереотип — умеренно либеральный прозападный президент Медведев и антизападный консерватор державного

толка премьер Путин. Соответственно, уход первого и приход второго расценивается как разворот в сторону той линии, которую Россия проводила во второй половине 2000-х годов и символом которой считается мюнхенская речь—2007.

В частности, Путина и Медведева принято помещать в систему координат, осями которой служат про- или антиевропейский настрой. Путин с учетом сложившегося у него имиджа чуть ли не автоматически считается анти-, а Медведев — проевропейским. Это весьма важное различие, ведь Европейский союз остается крупнейшим торгово-экономическим партнером России и позиционирование по отношению к нему носит принципиальный характер. Но если отвлечься от слов и формальностей, выясняется парадоксальная вещь. Европейским лидерам было намного проще и приятнее иметь дело с Дмитрием Медведевым, но его президентство стало едва ли не самым бессодержательным периодом за всю историю связей России и Европейского союза. Оно было отмечено рядом инициатив, которые привлекали внимание, но не приносили результатов.

Один из первых визитов (июнь 2008 года) новоизбранный президент нанес в Берлин, где выступил с программной речью о необходимости подписания Договора о европейской безопасности (ДЕБ); та же тема получила

развитие в выступлении Медведева в ноябре на мировом политическом форуме в Эвиане. ДЕБ до сего дня формально остается приоритетом российской дипломатии, но реального наполнения и развития эта идея так и не получила, а затем тихо отошла в тень.

Еще одна громкая новость пришла в июне 2010-го: канцлер Германии Ангела Меркель предложила, а президент России Дмитрий Медведев поддержал идею создания Комитета Россия—ЕС по вопросам внешней политики и безопасности. Формально это стало реакцией на вступление в силу в декабре 2009 года Лиссабонского договора, в соответствии с которым было создано ведомство верховного представителя Евросоюза по внешней политике, то есть теоретически у Единой Европы появился единый министр иностранных дел — баронесса Кэтрин Эштон, которая вместе с Сергеем Лавровым и возглавила Комитет. В качестве пилотного проекта предполагалось урегулирование приднестровского конфликта, который считается самым простым из всех «замороженных горячих точек» на постсоветском пространстве. С момента создания Комитета ни он сам, ни приднестровское урегулирование никуда не продвинулись.

Ярким и перспективным начинанием должна была стать рамочная программа «Партнерство для модернизации» (обсуждалась на саммите в Стокгольме осенью 2009 года, принята на саммите в Ростове-на-Дону летом 2010-го). Никакого реального развития она не получила.

Единственная тема, по которой случился хотя бы относительный прогресс, это движение к безвизовому режиму России и Европейского союза. В декабре 2011 года стороны согласовали «дорожную карту», пошаговый план мер, которые надо принять для достижения цели. Сдвиг, безусловно, позитивный, но если учесть, сколько сил приложила российская дипломатия для того,

чтобы убедить ЕС в необходимости обсуждения темы, шажок скромный. Прежде всего, по той причине, что выполнение намеченного плана не будет означать наступления безвизового режима, то есть после этого должно быть принято единогласное политическое решение, что, учитывая состояние дел в Евросоюзе, представляется практически невероятным.

Как ни странно, единственный прорыв в отношениях России и ЕС связан с мощным и драматическим потрясением 2008 года — российско-грузинской войной. Роль ЕС в прекращении боевых действий и установлении перемирия, которое действует до сих пор, никем не оспаривается; и у Москвы, и у Тбилиси есть основания быть благодарными Евросоюзу за усилия по спасению лица и остановке кровопролития. События августа 2008-го остаются звездным часом ЕС с точки зрения международной безопасности. Ну и доказательством того, что Россия и Европейский союз нужны друг другу в острых политических обстоятельствах. Правда, фактически миротворческую роль сыграл не Евросоюз, а Франция, которая в тот момент оказалась председателем объединения, и персонально Николя Саркози.

Когда несколько месяцев спустя между Россией и Украиной разразилась «газовая война», которая привела к перекрытию поставок газа в ЕС, действия Европы были куда менее впечатляющими, а чешское председательство оказалось совсем не столь эффективным, как предшествующее французское.

В сухом остатке можно сказать, что президентство Дмитрия Медведева ничего не внесло в отношения России и Европейского союза. Справедливости ради надо признать, что вина за это лежит отнюдь не только на российской стороне. Рубеж 2000-х и 2010-х годов — период нарастания внутренних проблем в Евросоюзе, которые из «труд-

ностей роста» быстро превратились в концептуальный кризис действующей модели европейской интеграции. Вступление в силу Лиссабонского договора в результате стало не выходом из положения, как все надеялись, а камешком, который вызвал обвал. В этих условиях сотрудничество с Россией стало куда менее значимым, чем прежде.

Что же касается Москвы, то вежливость и корректность Медведева, которая особенно бросалась в глаза на фоне его брутального ментора, была ошибочно истолкована как его позитивный настрой к Европе. На деле

2010 года предлагала масштабный проект совместной реиндустриализации Европы¹. Это было развитием идей его первого срока, когда он пытался добиться от Германии поддержки идеи сближения на основании обмена активами, прежде всего энергетическими. Реакции не последовало, но за последние годы так и не появилось ничего другого, что хотя бы выглядело как концептуальная заявка.

Возвращение Путина на президентский пост будет, вероятнее всего, снова означать большой интерес к Европе как к политико-экономической составляющей курса на

“Опыт взаимодействия с Джорджем Бушем превратил Путина в человека с антиамериканскими взглядами, практически не подлежащими пересмотру”.

Медведев был скорее индифферентен к европейскому направлению и просто отработывал обязательную программу. Европейский компонент его политики особенно блекнет на фоне весьма интенсивной повестки дня с США (перезагрузка, которая, как бы к ней ни относились, была вполне результативной) и Азией (значительно участвовавшие поездки в этот регион и расширение географии охвата). Европа же президенту была просто неинтересна и не вызывала у него никаких чувств. В этом его преимущество перед Владимиром Путиным, который не мог сдерживать разнообразных эмоций в адрес Европы. Но в этом же и недостаток: Путин был всегда заинтересован в Европе, хотя зачастую и в негативном ключе — стараясь пробить стену политкорректности и сложившихся стереотипов отношений, он всегда чего-то хотел от Европы и в связи с Европой. Дмитрий Медведев, кажется, не хотел ничего.

Кстати, наиболее любопытное, хотя и заведомо непроходное, предложение сделал Европе в последние годы именно Путин. Его статья в немецкой *Süddeutsche Zeitung* в ноябре

международной арене. Владимир Путин глубоко и искренне не доверяет Соединенным Штатам. Опыт его взаимодействия с Джорджем Бушем превратил Путина в человека с антиамериканскими взглядами, практически не подлежащими пересмотру. Азию премьер-министр знает хуже Европы, и хотя он прекрасно отдает себе отчет в важности Азиатско-Тихоокеанского региона, с европейцами он чувствует себя намного свободнее и понимает, как вести там игру. Европа останется объектом приложения его сил и политических навыков.

Положение дел в Европе изменилось. Там не осталось лидеров, на чью личную лояльность Владимир Путин мог рассчитывать. Последним в 2011 году ушел Сильвио Берлускони. И хотя Германия, Италия, Франция при любом руководстве являются опорными партнерами России, персональный фактор играл роль страховки, а иногда и катализатора. Нестабильна энергетическая конъюнктура — растет консолидированное противодействие долгосрочным контрактам, на которых построен бизнес «Газпрома».

И хотя здесь у Москвы по-прежнему есть союзники — крупные компании из тех же Германии, Италии, Франции, деятельность Евросоюза по либерализации энергетического рынка будет развиваться и дальше. Впрочем, перемены в Европе не ограничиваются этими, скорее техническими параметрами. Ситуация меняется фундаментально.

Исчезающий эталон

На протяжении столетий Европа служила российскому обществу и его элите источником импульсов для внутренних трансформаций и если не примером для подражания (российские реформаторы никогда не хотели заимствовать европейскую модель в ее целостности), то образом более совершенной реальности. Воздействие европейской идеологической и социально-экономической модели служило важнейшим фактором политики как в Центральной и Восточной Европе, так и (в разной степени) на территории бывшего Советского Союза. «Европейский выбор» — для кого-то реальный, для кого-то воображаемый — являлся стимулом к трансформации либо, по крайней мере, присутствовал в политическом дискурсе в качестве опоры для определенного типа мировоззрения (так называемого прозападного). И хотя Россия, в отличие от своих соседей, никогда всерьез не рассматривала вопрос о присоединении к европейским институтам, сама идея Европы как заведомо более прогрессивного и успешного сообщества оказывала влияние на развитие России, особенно в посткоммунистический период.

В результате перемен на глобальной арене (утраты Евро-Атлантикой центрального положения в мировой системе) и в особенности из-за фундаментального кризиса европейской интеграции в той форме, в которой она существовала до сих пор, «европейский выбор» как перспектива хотя бы в отдаленном будущем войти в состав европейских

институтов, уже не относится к числу практических перспектив для постсоветских государств. Неизбежная институциональная, социально-политическая и идейная трансформация ЕС означает, что поведение коллективной Европы как регионального актора претерпит серьезные изменения, а это создает для постсоветских государств и России иные рамочные условия.

Неудача с превращением ЕС в глобального политического игрока не равнозначна тому, что Европейский союз, отказавшись от мировых амбиций, сосредоточится на «соседстве». Параллельно резко сокращаются реальный интерес к приграничью и готовность тратить на него серьезные политические и финансовые ресурсы. Это проявляется даже на Ближнем Востоке, несмотря на то, что там полыхает острейший кризис, а сам регион входит в зону самых непосредственных интересов Европы. Конкретные страны участвуют в урегулировании отдельных кризисов, хотя иногда это скорее похоже на разжигание, чем на умиротворение (например, участие внешних сил, среди которых активны и европейцы, явно приводит к эскалации гражданской войны в Сирии). Но Евросоюз как международная политическая сила едва заметен, а громкие решения, наподобие введения эмбарго на иранскую нефть, тут же дополняются массой разных смягчающих условий, с тем чтобы минимизировать ущерб экономике государств-членов, особенно влиятельных.

Поправление общественных настроений в Европе, которое проявляется на выборах практически во всех странах, не благоприятствует ни возрождению интереса к европейской периферии, ни, тем более, дальнейшему расширению ЕС. В Старом Свете постепенно берут верх протекционистские тенденции в широком понимании этого слова. Избиратели, мнение которых политики не имеют права и возможности игнориро-

вать, обеспокоены волной перемен, которые несет с собой глобализация. Они инстинктивно стремятся к охранительной позиции, защите имеющегося социально-экономического и культурно-политического статус-кво, что в существующих международных условиях невозможно.

Утрачивая роль ведущей международной силы и даже центральной площадки мировой политики, Европа при этом способна оказаться источником потрясений глобального масштаба. И это, по большому счету, не вина Афин или Лиссабона, а следствие беспрецедентного и, как выясняется, рискованного исторического эксперимента по введению общей валюты евро без соответствующего политического обеспечения, который предприняли крупные европейские государства, не сумев или не захотев при этом обеспечить выполнение ими самими установленных правил ².

Критический момент в развитии Евросоюза совпал, с одной стороны, с усталостью обществ и избирателей Европы от проблем объединения, а с другой — со слабым политическим лидерством практически во всех государствах Старого Света. Это произошло в условиях, когда властям необходимо принимать срочные и весьма непопулярные решения, а их избиратели, с мнением которых приходится считаться, во все большей степени не желают «кормить нахлебников» — будь то «безалаберные» греки или «понаехавшие» мигранты.

Состояние кризиса, в котором Европейский союз, вероятно, будет находиться, по крайней мере, до 2020 года, означает:

- Сосредоточенность на внутренних проблемах, сокращение интереса к инициативам, направленным вовне, за исключением тех, которые непосредственно связаны с экономическим благосостоянием и политической устойчивостью Союза ³.
- Усложнение отношений с США (см. статью Яна Техау в этом номере *Pro et Contra*

на с. 33—42), которые настаивают на более равномерном разделении бремени в рамках трансатлантического альянса безопасности. Поскольку Европа не готова к этому ни психологически, ни политически, ни материально, Вашингтон активизирует поиск других партнеров для решения принципиальных для него проблем в разных частях мира ⁴. Правда, наиболее активные страны, наподобие Франции и Великобритании, стараются собственной политической и даже военной (ливийская кампания) активизацией компенсировать дисфункцию Европы в целом.

- Сдвиг доминирующей политической парадигмы в ведущих европейских странах в сторону более националистической и протекционистской линии с целью удержать не уверенных в собственном будущем избирателей от дрейфа в сторону радикальных политических сил.
- Возможное радикальное изменение принципов европейской интеграции с выделением «ядра», озабоченного спасением евро, и обширной периферии, в разной степени вовлеченной в единые проекты. Это не означает распада ЕС, но отказ от идеи равноправия может иметь серьезные политические последствия в плане «европейского единства».

Европа, переживающая непростые времена, может взять на вооружение откровенно меркантилистскую линию. Постсоветское пространство будет интересоваться ее исключительно с точки зрения выгод и преимуществ, которые там возможно получить, будь то рынок сбыта, объект инвестиций или источник ресурсов. В этом смысле мантра о ценностном подходе окончательно превратится в выхолощенную оболочку.

Государства, образовавшиеся на обломках Советского Союза, пережили за 20 лет независимого существования несколько стадий развития. Первоначальное становление госу-

дарственности, которое всем далось с огромным трудом, в основном завершилось к началу XXI века. Далее предполагался период окончательного самоопределения с вхождением в более крупные проекты. Но этого не случилось, потому что вместо укрепления и развития международных структуры и институты вступили в эпоху ослабления и эрозии, как и весь мировой порядок, так и не сумевший адаптироваться к новой реальности.

Наиболее наглядным примером «сбившегося прицела» может служить Украина.

“Франция и Великобритания стараются собственной политической и даже военной активизацией компенсировать дисфункцию Европы в целом”.

В середине 2000-х страна, как казалось, сделала окончательный геополитический выбор в пользу Европы. В начале 2010-х Киев был как будто все еще настроен на этот самый выбор, но Украина может оказаться в ситуации, когда такого выбора больше не существует. Евросоюз разочарован Украиной, да и вообще перестал рассматривать постсоветские государства в качестве важного приоритета. Россия заманивает Украину в Таможенный союз и Единое экономическое пространство, которое станет одним из любимых проектов Владимира Путина, но прилагать для этого уж слишком большие усилия, похоже, не станет. Скорее Москва собирается выждать, пока Украина окончательно запутается в проблемах собственного развития.

Основной проблемой для будущего постсоветских государств в связи с ситуацией в ЕС является тот факт, что «европейский выбор» исчезает даже как общий ориентир. Непонятно, в какой степени постсоветские страны, включая Россию, в состоянии сами генерировать импульсы для модернизации, не опираясь на внешнее стимулирование, источником которого традиционно служила

Европа. В отличие от Центральной Европы, постсоветские страны никогда не отличались четкостью целеполагания и не имели ясной перспективы присоединения к западным институтам, но, по крайней мере, они могли оперировать понятием «европейская модель». Однако те установки, на которых базировалось европейское «государство всеобщего благоденствия» после Второй мировой войны, дают серьезный сбой в новых мировых экономических условиях и на фоне демографических тенденций Европы.

Дополнительной проблемой служит тот факт, что Европейский союз в период своего расцвета монополизировал понятие «Европа»; в своей политике и пропаганде он фактически исходил из того, что по-настоящему европейской может быть только страна, входящая в Евросоюз. В результате кризис ЕС как временной формы европейского бытия воспринимается как упадок всей европейской цивилизации. В целом можно сказать, что Европейский союз из якоря стабильности Большой Европы превращается в фактор неопределенности, которая в обозримой перспективе будет усугубляться.

Для России кризис европейской интеграции несет и вызовы, и возможности. Отношения с ЕС перестают быть стратегическими, в них сокращается чисто политический элемент, они становятся почти исключительно экономическими. Рационализация политики в Европе, которая, вероятно, будет усиливаться по мере ослабления влияния центральных институтов Евросоюза, позволяет Москве окончательно вернуться к двусторонней игре с конкретными европейскими странами. Будучи

заинтересованы в укреплении собственных экономических позиций, сами эти страны не станут уклоняться от выгодных договоренностей, наподобие энергетических сделок или недавней продажи России французских вертолетоносцев «Мистраль». Учитывая специфику деловой среды в России, особенно в сфере крупного бизнеса, тесно связанного с государством, европейские интересы будут, вероятнее всего, только укреплять российскую систему, основанную на монополиях и весьма коррумпированную.

Две страны будут оказывать особое влияние на политику России в Европе. Одной из них традиционно является Германия – европейская экономическая опора, которая, по мере углубления кризиса, становится более значимой в политическом плане. Вторая менее привычна: это Турция – самый влиятельный аутсайдер, близкий к России по духу, то есть относящийся к европейской политической орбите, но оказывающий на Европу растущее внешнее воздействие.

Новый договор Рапалло?

В 1922 году в итальянском Рапалло Советская Россия и Веймарская республика, две страны, которые в тогдашней Европе находились в положении парий, подписали соглашение о взаимном признании. Тем самым Москва и Берлин вышли из изоляции, в которой фактически находились после Первой мировой войны и революции в России, серьезно насторожив ведущие европейские державы.

С тех пор на протяжении почти всего XX века (исключение составляли годы Второй мировой войны и первый послевоенный период) российско-германское сотрудничество успешно развивалось. Взаимное тяготение, прежде всего экономическое и технологическое, позволило преодолеть даже катастрофу Второй мировой войны и раздела Германии – бизнес начал налажи-

ваться уже в первой половине 1950-х годов. Примечательно, что Восточный комитет германской экономики, влиятельная лоббистская структура промышленников, заинтересованных в восточных (в том числе советских) рынках, был создан в 1952 году, за три года до установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ.

С 1960-х годов связи становятся неразрывными и стратегическими. В обмен на сырье Германия предоставляла СССР/России технологии – традиция заимствования технологических импульсов именно оттуда восходит к эпохе Петра I. Сибирский газ, который по немецким трубам пошел в Европу, на десятилетия определил геополитическую ситуацию в Старом Свете.

По сути, мы до сих пор живем в парадигме, заложенной Леонидом Брежневым и Вилли Брандтом. Попытки Соединенных Штатов помешать трубопроводной дипломатии, предпринимаемые со времен Рональда Рейгана, достигали лишь временного и ограниченного успеха. Некоторые проекты замедлялись, но в конце концов все равно были осуществлены. Проект последнего поколения – «Северный поток», который введен в строй в 2011 году.

Бизнес-отношения – мощная основа для политических связей, поскольку выступают надежным стабилизатором. Однако собственно политическая ситуация, естественно, может оказывать на них значительное воздействие, и здесь снова грядут перемены.

Упаси боже проводить параллель между сегодняшним днем и временами соглашения в Рапалло – ни Россия, ни Германия сейчас не изгои, обе державы обладают большим весом и влиянием в мире. И все же в двух странах чувствуется определенная растерянность, связанная с неспособностью сформулировать новую устойчивую идентичность, найти правильное место в быстро меняющемся мире. И это ощущение, в котором

присутствуют даже элементы одиночества, может способствовать новому сближению, как в 1920-е годы, когда изоляция толкнула к поиску общего языка.

Россия находится на очередной исторической развилке. Завершена начальная постимперская фаза, когда основным содержанием политики было стремление доказать, что распад Советского Союза не означает исчезновение России из категории великих держав. Цели удалось достичь в пределах возможного: внешний мир признал, что Россия

союз на глазах превращается в фактор непредсказуемости и нестабильности.

На другом конце географической карты — бурный рост и развитие, подъем Азии, который неизбежно окажет фундаментальное воздействие на Россию. В Азии находится более трех четвертей ее территории, а четкой стратегической линии поведения на азиатском направлении нет. Между тем отсутствие ее в длительной перспективе чревато превращением России из субъекта в объект региональной политики, что особенно трагично,

“Ментально Россия сегодня более европейская страна, чем был Советский Союз, хотя после его распада Россия географически сдвинулась в сторону Азии”.

по-прежнему имеет значение, даже если она больше никогда не будет сверхдержавой. Сегодня, глядя на стремительно нарастающую повсюду турбулентность, Москва все больше руководствуется врачебным принципом «не навреди». Амбиции сохраняются, хотя и в сокращенном виде: серьезным ограничителем служит осознание того факта, что чрезмерный риск может нарушить хрупкий баланс внутри государства. А то, что всякий внутренний дисбаланс немедленно вступает в опасный резонанс с внешними факторами, очевидно уже всем — одна «арабская весна» чего стоит.

У России нет системы союзников и альянсов, на которые она могла бы положиться, у нее нет даже «агентов» (*proxies*), чьими руками она могла бы реализовывать свои интересы. Имеющиеся на сегодня объединения (СНГ, ОДКБ и даже, хотя и в меньшей степени, Таможенный союз) скорее дают повод беспокоиться за их устойчивость, чем обеспечивают дополнительные гарантии. Интеграционные отношения с Европой не складываются. Отчасти из-за того, что сама Россия не готова поступиться суверенными правами, отчасти потому что Европейский

поскольку Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой главную стратегическую площадку XXI века.

Выработка азиатской концепции находится на повестке дня российского руководства, однако эффективной переориентации препятствует встроеное в российскую реальность противоречие. Три четверти населения страны живут в ее европейской части, а население за Уралом продолжает убывать. Ментально Россия сегодня более европейская страна, чем был Советский Союз, хотя после его распада Россия географически сдвинулась в сторону Азии. Психологическая тяга российской элиты в сторону Европы только усилилась, какие бы политические отношения ни складывались с Европейским союзом и сколь пренебрежительно ни воспринимал бы его перспективы отечественный истеблишмент. Выражается это, прежде всего, в ориентации на европейские стандарты потребления, образования, образ жизни.

Здесь стоит отметить важный фактор, связанный с недавними событиями на Ближнем Востоке. По решению ведущих стран Запада была осуществлена масштабная экспроприация

ция активов ливийского режима — не только частных авуаров семьи Каддафи, но и вложений ливийского Центробанка и проч. — и передача их его политическим оппонентам на основе произвольного политического решения. Эти страны стали рассматривать повстанцев в качестве законной власти, наделив их международной легитимностью, хотя основания для этого были неясны. Заявление Уго Чавеса о том, что он намерен изъять финансовые активы Венесуэлы из европейских банков и разместить их в других странах, в том числе в России, — прямая реакция на этот произвольный шаг. Конечно, Чавеса можно считать одиозным эксцентриком, однако прецедент, созданный в отношении Ливии, добавит аргументов тем, кто добивается диверсификации мировой финансовой системы и отказа от западоцентричности.

Для российской элиты, которая, естественно, хранит свои активы на Западе, — это животрепещущий вопрос⁵. Ливийский прецедент показывает, что либо активы нужно выводить и размещать где-то еще, например в Азии, либо следует глубоко интегрироваться в западную систему, дабы обеспечить себе легитимность в глазах Запада и тем обезопасить себя от экспроприации. Отдельный вопрос в связи с этим — насколько сама западная система едина и нерушима и каковы наиболее эффективные пути интеграции в нее: принятие общих правил, на чем настаивали сторонники такого выбора в течение двадцати лет, или выбор опорных партнеров в условиях фрагментации западной системы.

Как бы то ни было, следующему президенту придется принимать серьезные решения в условиях, когда дальнейший путь окутан туманом сильнее, чем когда-либо.

Смущенная Германия

Смятение России велико, и, казалось бы, положение Германии, экономического фундамента ЕС и одной из наиболее влиятель-

ных стран «большой двадцатки», не идет с этим ни в какое сравнение. Однако на практике Берлин находится едва ли не в более сложном положении.

Весной 2011 года произошло знаковое событие — Франция и Германия, две опоры европейской интеграции, оказались по разные стороны ливийских баррикад. Вне зависимости от причин, по которым Берлин не поддержал инициированную Парижем войну (одной из них был, судя по всему, непрофессионализм главы германского МИД Гидо Вестервелле), это решение имеет масштабные последствия.

Кампания по свержению режима Муаммара Каддафи отличалась от предыдущих военных акций стран НАТО. Главным отличием является отстраненная позиция Соединенных Штатов, которые отдали роль солистов Франции и Великобритании. Полностью устранившись Вашингтону не удалось, потому что военные возможности союзников ограничены, однако свое участие США минимизировали. Такой подход отражает переосмысление внешнеполитических приоритетов в американском истеблишменте. В ближайшие годы Америке предстоит сократить расходы и сбросить лишние обязательства. Внимание перемещается в Восточную Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион. США заинтересованы в том, чтобы, сохраняя влияние, снизить масштаб вовлеченности на Ближнем Востоке — в американском обществе такое плотное участие в ближневосточных делах вызывает растущую усталость. В то же время перед США стоит вопрос о том, что делать с Европой — ближайшим союзником, которого нельзя оттолкнуть, но непонятно как использовать, поскольку брать на себя часть военно-политического бремени Америка не хочет.

Ливийская кампания предоставила возможность совместить решение этих двух вопросов. Ливия — бензоколонка Франции и

Италии, а также страна-фильтр на пути нелегальных мигрантов в эти страны из Африки. Осознание непосредственного интереса вкупе с желанием Парижа и Лондона на фоне упадка Евросоюза доказать свою состоятельность как игроков международного класса побудили ключевые страны Европы добровольно устремиться на ливийский фронт. Иными словами, они взяли на себя функцию региональных регуляторов, что соответствует целям США — найти лояльных партнеров в разных частях мира, которые могли бы

вытягивать из болота тонущих партнеров, чем пытаться от них дистанцироваться. При этом в самой Германии растет сопротивление тому, чтобы ради европейской валюты идти на новые жертвы. Немцам все труднее объяснить, почему они должны расплачиваться за безалаберность и безответственность других стран. Тем более что Германия, будучи заведомо более сильным и экономически состоятельным партнером, в конце 1990-х — начале 2000-х годов при Герхарде Шрёдере сумела осуществить непопулярные и достаточно

“Из соображений самосохранения Берлину выгоднее вытягивать из болота тонущих партнеров, чем пытаться от них дистанцироваться”.

выполнять за Америку работу по наведению локального порядка.

Насколько эффективно франко-британский тандем справился с этой задачей — вопрос спорный. Однако Вашингтон будет громко восхищаться достигнутым, прославляя боеготовность союзников, потому что Соединенным Штатам необходимо поддерживать в европейцах боевой дух, направленный на «южное подбрюшье».

Вдохновленная лаврами «освободителя Ливии», Франция намерена развить успех и занять место единоличного политического лидера Европы. Однако экономическим фундаментом Старого Света служит Германия, которая зажата в клещи. Все в Европе требуют от Берлина активной позиции по спасению евро, при этом с огромным подспорьем реагируют на любые поползновения Германии занять такую позицию на самом деле. Хотя логика развития событий неизбежно выталкивает Германию на центральную политическую, а не только экономическую позицию. Ведь от краха евро больше всех потеряет именно Германия, и из соображений самосохранения Берлину выгоднее

болезненные социально-экономические реформы, на которые другие государства, включая Францию, никак не могут решиться.

Пестрая и противоречивая международная палитра сбивает ориентиры даже такой обстоятельной и серьезной стране, как Германия. По сравнению с тем, что было во второй половине XX века, привычная мировая система подвергается глубокой эрозии и радикально меняется. Сутью политики Запада было построение такой системы, в которой Германия уже никогда и ни за что не будет воевать. И эта политика увенчалась блестящим успехом. Немцы, всегда отличавшиеся воинскими умениями и геополитическим мышлением, избавились от обоих этих качеств. Трудно найти более пацифистски настроенное общество, чем германское: когда в 2010 году президент страны Хорст Кёлер имел неосторожность заикнуться, что у Германии в Афганистане могут быть геополитические интересы, ему попросту пришлось подать в отставку. И вот, добившись столь невероятного успеха, союзники Берлина по НАТО теперь сетуют на то, что Германия отказывается сражаться.

Другой парадокс: всегда лояльная Америке Германия, оплот американского влияния в Европе, все чаще объективно оказывается оппонентом США, например, в том, как следует преодолевать финансово-экономический кризис. А Франция, вечный фрондер и раздражитель американцев, почувствовав военный азарт, напротив, сближается с Вашингтоном, который испытывает потребность в «младшем шерифе».

Непривычная ситуация размежевания с Францией и связанное с ней политическое напряжение внутри Германии усугубляют

биться вывод из еврозоны самых проблемных стран для сохранения здорового ядра.

В конце августа 2011 года в *Financial Times* появился комментарий бывшего руководителя Федерации промышленников Германии Ханса-Олафа Хенкеля: от евро должно отказаться как раз «здоровое ядро». Германия, Австрия, Нидерланды и Финляндия создадут новую валюту, оставив евро в распоряжении южноевропейцев, которые смогут девальвировать его и тем самым повысить собственную конкурентоспособность⁶.

Сенсационность заключается в том, что автор

“Франция стремится укрепить **экономические связи** с Россией, а Германия, напротив, нащупывает пути политического взаимодействия”.

сумятицу. Гидо Вестервелле подвергся тотальной уничижительной критике за то, что он «проиграл» ливийскую войну и поссорился с ближайшими союзниками. Практически вся политическая элита страны склоняется к тому, что, воздержавшись во время голосования в Совете Безопасности ООН, Германия совершила огромную ошибку. (Примечательно, что к тому же выводу пришли и в России, правда, по ровно противоположной причине.) Однако по всем опросам общественного мнения, большинство граждан Германии считают правильным решение не участвовать в ливийской операции, что демонстрирует еще одну грань и так давно очевидного размежевания между политическим классом и его избирателями.

На этом фоне меняется тональность дискуссий. До недавнего времени обсуждение вопроса об отказе от евро было в Европе почти повсеместным табу, рассуждать на эту тему позволяли себе только СМИ и эксперты Великобритании и США. Максимум допустимого в континентальной дискуссии — осторожные предположения о том, что может понадо-

не включает в ядро Францию. Понятно, что отставной индустриальный лоббист может позволить себе провокационные высказывания. Однако германское правительство всегда чутко прислушивается к мнению крупного бизнеса и зачастую руководствуется именно им. Если нынешние тенденции продолжатся, политические амбиции Франции и экономические интересы Германии могут разойтись в разных направлениях. Это будет, по сути, означать конец той интеграционной модели, которая существовала с середины прошлого века. Правда, идея бюджетного пакта, предложенная совместно Ангелой Меркель и Николя Саркози, официально считается сегодня торной дорогой к спасению единства Европы, но сложности с его практическим воплощением вполне способны вызвать рост новых противоречий, в том числе и между инициаторами. Вообще, представить себе Париж, который соглашается на внешний обязывающий контроль за его фискальной политикой, довольно трудно. Есть и другая линия размежевания. В конце февраля 2012 года премьер-министры двенадцати европейских стран (в их

числе главы правительств Великобритании, Италии, Испании, Нидерландов, Польши, Финляндии, Швеции) обратились с письмом к председателю Европейского совета Херману ван Ромпёю и главе Еврокомиссии Жозе Мануэлу Баррозо с призывом к реформированию Европейского союза во имя стимулирования роста и развития. Сенсацией стало то, что среди подписантов не было ни президента Франции, ни канцлера Германии — их обошли ⁷.

Весь XX век Европа решала «германский вопрос» и успешно решила его. Но сейчас любая стратегия предусматривает резкое усиление влияния и роли Германии. Страна, которая берет на себя большую часть финансового бремени, будет требовать права определять условия. Тем более, опять-таки, что германская экономическая модель доказала свою эффективность. Однако перспектива доминирования Берлина пугает всех, а оно неизбежно в любом случае, будь то консолидация еврозоны с введением жестких правил и мер ответственности либо, напротив, фрагментация с выделением «здорового ядра» вокруг Германии. И прежде всего такая перспектива пугает Францию — вторую опору интеграции. Париж отлично понимает, что в новой конструкции, более упругой и централизованной в плане принятия экономических решений, Берлин станет бесспорным центром. А возможность введения наднационального бюджетного диктата будет означать не просто ограничение суверенитета, но и необходимость следовать немецким принципам и правилам.

Как все эти трудности Европы связаны с ее отношениями с Россией? Старый Свет будет сильно меняться. Европа, в которой страны разных категорий по-разному участвуют в интеграционных проектах, вероятнее всего, неизбежна, причем количество и состав этих «категорий» предсказать невозможно. Наверное, в политическом плане

Европа будет все более фрагментированной, а крупные страны станут решать свои дела самостоятельно, с опорой на двусторонних партнеров как внутри, так и вовне ЕС. Как показывает история, в тяжелые времена и Германия, и Франция не раз обращали свои взоры к России — сближение неоднократно укрепляло позиции этих стран. Франция обычно упирала на геополитическую составляющую, Германия — на экономическую. Сейчас роли отчасти меняются. Франция стремится укрепить экономические связи с Россией, а Германия, напротив, нащупывает пути политического взаимодействия.

Вероятные трения внутри европейского «правлящего тандема» также способны повысить заинтересованность обоих участников в активизации контактов с Россией. Франции, например, которая стремится солировать на Ближнем Востоке и таким образом увеличивать и свой европейский вес, важно иметь возможность убеждать Россию в необходимости поддержать те или иные начинания Парижа в этой сфере. Подобно тому, как в 2003 году Жак Ширак уговорил Владимира Путина занять резко негативную позицию в отношении американского вторжения в Ирак, хотя изначально российский президент был склонен к большей сдержанности.

Принимая во внимание неопределенность экономической и политической ситуации в США, а также неясность с дальнейшей ролью Пекина, предсказать, как будет меняться положение дел в Европе, практически невозможно. Однако чем более нестабильной будет ситуация, тем больше шансов, что большие государства континентальной Европы станут руководствоваться собственными интересами, а в поисках дополнительных опор — обращаться к России как к единственному близко расположенному источнику потенциальных экономических и политических дивидендов. России же предстоит решить, на что она готова пойти и чем риск-

нуть, чтобы создать с кем-либо устойчивый альянс. К 2020 году мы увидим совсем другую геополитическую палитру Старого Света. И еще одним ее элементом станет страна, которая, так и не добившись членства в единой Европе, решила сама ковать свое геополитическое счастье. Это Турция.

Турция как «другая Россия»

Россия не привыкать стучаться в европейские двери, внимательно вслушиваясь в то, что за ними происходит. Собственно, в этом состояла суть политики Москвы в отношениях с ЕС в 1990-е и на протяжении большей части 2000-х годов, уже при Путине. Тактика, которая чередовала предложения и нажим в попытке то заинтересовать Европу, то припугнуть ее, в конечном итоге не принесла особого результата.

Виновата отнюдь не только Россия – танго не задалось у обоих партнеров. А к началу второго десятилетия XXI века Европейский союз пришел в столь неопределенное состояние, что Россия заметно сбавила европейские обороты. Тем интереснее наблюдать за тем, как начинает сводить счеты с Европой своеобразное «альтер эго» Москвы – Анкара. В том, что касается Европы, у России и Турции схожая историческая судьба. Две державы на протяжении столетий были активными участниками политики Старого Света, однако основные европейские державы никогда не воспринимали их как партнеров того же класса, что и они сами.

Внутри обеих наций не утихают споры о том, принадлежат ли они к европейскому миру, а если да, то в какой степени. В последние десятилетия (для России – в течение последних двадцати лет, для Турции – полувека) и Москва, и Анкара заявляли намерение тем или иным способом влиться в Европу, сохраняя ярко выраженную самостоятельную идентичность – очень различную, но равно отличающуюся от усредненного

европейского образца. Результат, в общем, аналогичный, но тут сходство заканчивается. Если Россия выжидает, то Турция атакует.

Напористое поведение Турции объяснимо: Анкара делала на Евросоюз ставку куда большую, чем Москва. Даже если исключить период с 1963 года (когда впервые был поднят вопрос об интеграции) до конца XX века, то на заре 2000-х, с приходом к власти Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом, Турция действительно прилагала усилия для демократизации. Недоброжелатели, правда, подозревают, что истинная цель премьера заключалась не в европеизации: ссылаясь на демократические реформы, он стремился сломать хребет политическому влиянию армии; но одно другое не исключает.

Чем активнее Турция реализовывала «дорожную карту» в ЕС, тем быстрее снижалось желание Евросоюза что-либо обещать. А к концу 2000-х годов стало очевидным то, что никто не готов произнести вслух: Турцию не примут не из-за недостатка демократии, а из-за избытка мусульман. Восьмидесятимиллионная мусульманская держава внутри Европейского союза с соответствующими правами и возможностями была едва ли представима и раньше, но растущий страх перед исламом в Западной Европе окончательно закрыл такую возможность.

Трудно сказать, когда именно это отчетливо осознали в Анкаре, но в какой-то момент ее поведение резко изменилось. Формально Турция продолжает переговоры о вступлении, то есть о сближении своей социально-политической модели с европейскими образцами. Президент Абдулла Гюль, выступавший в сентябре 2011 года на Мировом политическом форуме в Ярославле, обрушился с резкой критикой на Европу – за нарушение прав человека (мусульман), нетерпимость, ксенофобию и прочее. Получите ваш бумеранг. В конце 2011 года Турция

выдвинула ЕС ультиматум: если в июле 2012 года Кипр (по сути, членом Евросоюза является только греческая часть острова) займет пост очередного сменного председателя, Анкара заморозит все связи с объединением. Отменить кипрское председательство (первое после вступления в 2004 году) Евросоюзу, естественно, не может — это бы означало расписаться в собственной моральной несостоятельности, — но и Турции после такого заявления трудно идти на попятный. В те же дни Анкара пригрозила самыми решительными мерами, вплоть до направления военных судов, если Кипр начнет разработку углеводородов на спорном (с точки зрения Турции и Северного Кипра) шельфе. Турция заявила о намерении осваивать ресурсы сама, вместе с турками-киприотами. Анкаре, похоже, добавляет драйва то, что Греция, ее исторический оппонент и покровитель Никосии, не просто пребывает в совершенно подавленном состоянии, но и превратилась в острую головную боль для всей Европы. Одновременно Турция демонстративно рассорилась с Израилем, начала мощное политико-дипломатическое наступление в странах победившей или побеждающей «арабской весны», активизировала действия в отношении Сирии — Анкара намерена не просто влиять на ситуацию в соседней стране посредством разных форм поддержки оппозиции, но не исключает и прямого военного участия.

Анкара, конечно, блефует: несмотря на экономические и политические успехи, ресурса для самостоятельного курса, по сути не уместяющегося в рамки имеющихся союзных и партнерских отношений, у нее не хватит, тем более что действовать она намеревается по всем окрестностям. Эрдоган рассчитывает на кумулятивный эффект — продемонстрировать напор по всем направлениям сразу, чтобы убедить мир в серьезности своих намерений. Но если Анкара переусердствует, то столкнется с противодей-

ствием по всем тем направлениям, где сейчас демонстрирует активность. У Турции много партнеров, но совсем нет друзей: подозрения испытывают практически все соседи, хотя каждый надеется воспользоваться ситуацией и пристроиться в турецкий фарватер.

Мстительность в отношении Европы не декларируется, но прозрачна: правительству Партии справедливости и развития очень хочется доказать, как много потерял Старый Свет, не захотев открыть двери Турции. Явная конкуренция разворачивается на Ближнем Востоке: патронат над «новыми демократиями», который примеряет на себя Турция, призван заместить ЕС, роль которого как организации в этом регионе уже почти незаметна, и составить альтернативу действиям отдельных европейских держав. Наконец, претензии Анкары на роль ключевого диспетчера европейских углеводородов, которые Евросоюз поддерживал, рассчитывая с помощью Турции снизить влияние Москвы, теперь могут выйти Европе боком. К зависимости от поставщика (России) добавится зависимость от крупного транзитера (Турции).

Впрочем, турецкий пыл может уйти в свисток — ведь активность по всем направлениям, где Анкара пытается преуспеть, чревата большими проблемами. Более того, чем больше вокруг открывается возможностей, тем выше и риски. Но возвращения Турции к умеренной и сдержанной позиции ожидать не приходится, ее региональная роль гарантированно будет возрастать⁸. При этом судьба Турции тесно связана с Россией и геополитически, и экономически, и исторически, несмотря на то, что эти связи нелинейны и полны противоречий.

***

Владимир Путин привержен идее многополярного мира, в которой он видит гарантию от американского доминирования, однако психологически он ориентирован на Европу,

поскольку лучше понимает, как с ней себя вести. «Большая игра», которую ведет и будет продолжать вести Путин, концентрируется вокруг Европы, хотя и захватывает прилегающие регионы — западную часть постсоветского пространства, отчасти Ближний Восток. Расшатывание европейских институтов, которые казались прочными и незыблемыми еще несколько лет назад, открывает новые возможности, хотя одновременно Россия продолжает осознавать, что ее потенциал ограничен. Как бы то ни было, основные приоритеты Путина — Евразийский союз, продолжение газовой экспансии, технологический прогресс России (слово «модернизация» старший партнер тандема использует неохотно) — связаны именно с Европой. При этом он по-прежнему отказывается признавать значение условностей, которые принято называть «европейскими ценностями», тем более если они мешают развить нормаль-

ный взаимовыгодный бизнес. И похоже, сейчас у него для этого больше оснований, чем прежде: мир XXI века, по всей видимости, будет меньше ориентироваться на ценности и идеологии, чем мир века двадцатого.

Главная площадка этого столетия — азиатско-тихоокеанская; две ключевые державы, США и Китай, сойдутся там. Классическая Европа остается тем, кто столетиями взаимодействовал и боролся на этой территории. Треугольник Москва — Берлин — Анкара (отношения Германии и Турции как двух политико-экономических лидеров на европейском пространстве цементируются наличием в Германии четырех миллионов жителей турецкого происхождения; более полутора миллионов из них — турецкие граждане) может стать новой необычной конфигурацией, которая будет играть важную роль в политике России и влиять на ход событий во всей Европе. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ [http://www.russische-botschaft.de/index.php?id=167&L=3&tx_ttnews\[tt_news\]=351&tx_ttnews\[backPid\]=171&cHash=4268ebd219](http://www.russische-botschaft.de/index.php?id=167&L=3&tx_ttnews[tt_news]=351&tx_ttnews[backPid]=171&cHash=4268ebd219)

² Анализ кризиса Европейского союза см., например, в статье: *Kupchan Ch. A. The Potential Twilight of the European Union* (<http://www.cfr.org/eu/potential-twilight-european-union/p22934>).

³ Как отмечала в своем докладе Группа рефлексии, созданная Европейским советом для исследования перспектив ЕС, «2010 год может знаменовать начало новой фазы для Евросоюза. Следующие 50 лет будут означать либо повышение роли Европейского союза как уверенного в себе глобального игрока, либо, напротив, Союз и его страны-члены начнут сползать в маргинальное состояние, все больше превращаясь в малозначительную западную оконечность Азиатского континента». В 2010 и 2011 годах ситуация продолжала ухудшаться. См.: *Project Europe 2030: Challenges and Opportunities. A report to the European Council by the Reflection Group on the Future of the EU 2030. May 2010* (http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/en_web.pdf).

⁴ См. выступление Роберта Гейтса в Брюсселе 10 июня 2011 года (http://www.washingtonpost.com/world/the-security-and-defense-agenda-as-delivered-by-secretary-of-defense-robert-gates-brussels-belgium-june-10-2011/2011/06/10/AGqlZhOH_story.html).

⁵ Очень характерная оценка — в статье Александра Костина «Новое средневековье старого мира» на сайте *Terra America* (<http://terra-america.ru/novoe-srednevekovie-starogo-mira.aspx>).

⁶ *Henkel H.-O. A Sceptic's Solution — A Breakaway Currency* // *Financial Times*. 2011. Aug. 29 (<http://www.ft.com/intl/cms/s/0/6cf3e4f0-cf40-11e0-b6d4-00144feabdc0.html#axzz1oo1qsGYk>).

⁷ <http://ecrgroup.eu/wp-content/uploads/2012/02/2012-EU-GROWTH-LETTER-SIGNED.pdf>

⁸ Блестящая подборка аналитических статей о состоянии умов в современной Турции содержится в брошюре Европейского совета по международным делам «Что думает Турция?»: *What Does Turkey Think / D. Bechev (ed.)*. ECFR, 2011 (http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR35_TURKEYFINALFINAL.pdf).